

Игорь Чечётин

*Семь мелодий
уходящей эпохи*

12+

Игорь Чечётин
Семь мелодий уходящей эпохи

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Чечётин И. А.

Семь мелодий уходящей эпохи / И. А. Чечётин — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Сборник рассказов, написанных от первого лица. Повествование охватывает значительный временной интервал – от начала 60-х годов и до настоящего времени. Детский сад в СССР, пионерский лагерь, двор и нравы московской хрущевки в Черемушках, добровольно-принудительные сельхозработы в 80-х, первая работа в парке Горького, неожиданный бизнес во времена перестройки, первые поездки за рубеж, работа в рекламных агентствах и многое другое отражено в рассказах. Каждый рассказ является произведением самостоятельным и завершенным, драматургически выстроенным. Общее для всех рассказов - выразительный авторский стиль, где взвешенный юмор, легкая ирония, самоирония и плотность изложения не дают читателю утонуть в разрушительной ностальгии, а напротив, оставляют после прочтения ощущение легкой грусти и желание оглянуться на собственный пройденный путь.

© Чечётин И. А., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Семь мелодий уходящей эпохи	6
Гоша	14
Часы остановились в детстве	15
Ян Амос Коменский	18
Огурец для любимой	20
Лето, мальчики, космонавт	21
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Наверно это закономерно, что все больше и больше времени я провожу в воспоминаниях. Не могу сказать, что груз прожитых лет тянет мне плечи или мешает движению, только когда дорога впереди неясная, голова наполнена сомнениями, все чаще и чаще хочется сесть в тени доброго дерева, прижаться спиной к шершавому стволу и, прикрыв глаза, вспомнить что-нибудь мимолетное из жизни прошлой, что-нибудь доброе и вполне подзабытое, отчего вдруг обязательно делается и тепло и пронзительно грустно.

Семь мелодий уходящей эпохи

Рассказ о моем маленьком бизнесе в конце 80-х годов прошлого века может быть интересен хотя бы потому, что причиной его появления стали несколько независимых друг от друга случаев, а точнее, случайностей, значительно разделенных во времени.

В 1983 году я, рядовой мотострелковой роты, застал своего приятеля ефрейтора Сорокина в его маленькой радиомастерской за странным занятием. Он сидел за столом и сосредоточенно что-то делал с клеммами большой квадратной батарейки. Оказалось, что ефрейтор Сорокин с помощью этой большой батарейки от транзисторного приемника возвращал к жизни маленькую батарейку-таблетку от ручных электронных часов. Процесс был прост до пошлости. Соединив минусовые контакты обеих батареек, он плюсовым контактом большой батарейки шлепал по плюсовой площадке маленькой часовой батарейки. Со стороны это напоминало монотонную работу на ключе радиста-морзянщика. Так Сорокин передал мне нехитрый, но вполне продуктивный метод реанимации часовых батареек. Десять минут усердного тюканья клеммой по контактной площадке дефицитной в то время часовой батарейки возвращали ей процентов 70 жизненной силы. Вернувшись из армии, я, естественно, заряжал таким способом батарейки для своих часов, часов жены и своих коллег по работе, экономя себе и людям деньги и время, которые в то скудное время нужно было потратить на поиски новых необычных батарей.

Прошло пять лет, и осенью 1988 года я учинил маленький личный бунт на работе, отказавшись по осени ехать на сельхозработы командиром студенческого отряда. Мне грозило увольнение из училища, но от борьбы с администрацией и избытка героического пафоса у меня случилась язвенная болезнь. Неожиданная госпитализация в институт гастроэнтерологии чудесным образом устраивала и меня и администрацию культпросветучилища. Кроме транзистора и толстых книжек я прихватил с собой легендарную электронную игрушку «Ну, погоди». Я давно уже научился ловить 999 яиц, играл без эмоций, обретая от монотонного действия необходимые мне сосредоточение и успокоенность.

Дабы не болеть головой о севших в любимой игрушке батарейках, я давно соорудил нехитрое зарядное устройство. Взяв диск от телефонного аппарата, я снял с него ограничитель вращения и возвратную пружину, подсоединил в нужное место большую батарею-донор, а в другое место – бельевую прищепку с контактами. Теперь, когда мои две таблетки-батарейки от игры уходили в ноль, я вставлял их по очереди в прищепку и, вращая по кругу диск от телефона минут пять или десять, возвращал дефицитные батарейки к жизни, пусть и не долгой, но вполне эффективной.

Лежалось мне в институте замечательно. Народ в палате подобрался легкий. Днем нас старательно лечили по науке, а вечером мы собирали большой общий стол и без остервенения, степенно и размеренно опровергали унылый врачебный миф о вреде водки и колбасы, резонно полагая, что хорошее настроение есть лучший союзник всем академическим процедурам. Хорошая колбаса или окорок случались у нас каждый вечер потому, что с нами в палате лежал настоящий мясник из магазина, или рубщик мяса, как он сам себя называл. Жил и трудился рубщик мяса рядом с клиником и каждый вечер приносил в палату большие ароматные свертки. В длинном кожаном пальто уж меньше всего в моем представлении он был похож на мясника. Высокий стройный блондин с вьющимися волосами, голубыми глазами – почти швед. Мне представлялось, что мясо он должен разделять большим рыцарским мечом, но уж никак не топором.

Как-то за полночь читал я книжку, народ в палате уже сипел и гудел носами. Почти швед тихо возник возле меня и сообщил таинственно, что у него есть ко мне разговор. Мы поднялись с ним в курилку на лестнице, и он начал излагать без экспозиций и предисловий.

– Старик, мы сделаем так. Берем дипломат пластиковый, крепим в каждой половине по стальному листу, на один цепляем минус, а на другой плюс. Понял идею? К дипломату аккумулятор от автомобиля или провод в розетку, ну это ты придумаешь как лучше. Ну, как идея?

Я идею не понял и сказал ему об этом.

– Идея простая. Ты заряжаешь дохлые батарейки, а я их продаю. Только заряжать мы их будем сотнями зараз. Теперь понял? От тебя – голова и руки, от меня – голова и ноги. Через месяц работы сделаем аппарат посерьезней, а в этот дипломат деньги складывать будем.

Хоть и выпили мы с вечера немного – да оно и вышло все, он был возбужден, и глаза его блестели...

Электрический дипломат для зарядки батареек развеселил меня, но сама идея заработать денег на востребованном товаре мне понравилась. Выйдя из больницы, я без раскочки принялся ее реализовывать. Севшие часовые батарейки предполагалось закупать в часовых мастерских за символические деньги. Так я и сделал, чем немало развеселил часовщиков в своем районе. Имея в школе по физике твердую тройку, я мало что знал вообще о природе электрических токов, кроме того, что пальцы в розетку засовывать вредно для здоровья и что из двух бритвенных лезвий люди бывалые, но легкомысленные, делают суперкипятыльник. Промышленных токов и токов из домашней розетки я опасался, а с токами малого напряжения я работал по наитию методом проб и ошибок. Как-то, уже после армии, я решил упрятать за плинтус болтающийся вдоль него провод от телефона. Когда я беззаботно принялся зачищать его зубами, кто-то набрал наш номер. Звонили на телефонный аппарат, а звонок пришел мне в голову. Помню много яркого света в глазах и разбитый в следующее мгновение затылок. Меня выгнуло так, что я со всей дури ударился головой о пианино, под которым в тот момент лежал на животе...

Четыре месяца я провел в напряженном ночном поиске, пытаюсь обрести относительно устойчивый и убедительный результат. Радиорынков и специальных магазинов тогда не было и мне пришлось поднять всех своих знакомых еще со времен школы, чтобы через них обрести нехитрые измерительные электроприборы и разрозненные знания по электротехнике и химическим материалам. Члены семьи с опаской смотрели на разновеликие вольтметры, амперметры, куски проволоки и огромный паяльник. Когда все ложились спать, я погружался в ночные эксперименты. Иногда меня охватывала эйфория, иногда я впадал в отчаяние. Раз в неделю звонил мой идеолог и компаньон и спрашивал, когда мы будем готовы к началу широкой продажи. Заряженные мной батарейки он собирался продавать часовщикам по приятной для них цене, предполагая, что и они страдают от закупочных цен на дорогой и дефицитный материал.

Все шло не так гладко, как он предполагал. Однажды я соорудил стенд для двадцати батареек, установил их для зарядки, выставил нужные, как мне тогда казалось, токи и отправился спать, с нетерпением ожидая утром впечатляющего положительного результата. Впечатляющий результат наступил гораздо раньше. Едва я заснул, на кухне раздалась пистолетная пальба. Батарейки рвались, разлетаясь по всей кухне, оставляя на кухонном столе и стенах гадкие большие химические следы своих маленьких загадочных внутренностей. Впрочем, из двадцати батареек целыми остались пять, а три из них показывали наличие замечательного тока. Мой друг сказал, что это замечательный результат, просто нужно зарядный стенд сверху накрывать большой кастрюлей. Еще он сообщил, что мы с ним встречаемся после обеда и идем ошеломлять покупателя своим предложением. Другими словами, после обеда у нас предстояла первичная презентация продукта.

Пока я занимался технической стороной нашего проекта, мой новый приятель изучал рынок. Он сказал, что в государственные мастерские обращаться мы не будем, а работать будем с частниками. Оказалось, что в социалистической стране такие уже появились. Частная часовая мастерская находилась на первом этаже сталинского дома напротив Боткинской больницы

и, судя по вывеске, принадлежала заводу «Знамя труда». Как я потом узнал, на этом заводе вместо знамен, флажков и вымпелов делали военные самолеты Ильюшина.

Для начала мой приятель сказал часовщику, что хочет заменить батарейку в своих часах, но его интересует цена вопроса. Цена вопроса в десять рублей его очень обрадовала.

– Мы хотим сделать вам предложение, от которого вы не сможете отказаться.

Очевидно, видеоманитофон у рубщика мяса появился недавно, и фильм «Крестный отец» произвел на него значительное впечатление.

Далее мой приятель предложил часовщику три батарейки по цене три рубля за штучку, заверив, что в случае взаимного интереса мы его завалим качественным товаром.

Часовщика звали Марк, это при том, что он годился нам в отцы. Потом, спустя время, он говорил мне, что из нескольких ярких впечатлений его непростой и немаленькой жизни наш приход к нему занимает особенное место.

– Ребята, вы не из КГБ? – спросил он нас почему-то весело. Потом предложил подойти ближе и выдвинул ящик стола, в котором лежали пачки импортных батарей. Плоские упаковки по 10 батарей были сложены в пачки как купюры и перетянуты красивыми цветными резинками. Много упаковок, целый ящик набитый новыми импортными батарейками. Марк сказал, что он закупает батарейки по рублю, а иногда и по 80 копеек.

– 900 процентов прибыли, охренеть, – всю обратную дорогу до метро мой друг как мантру повторял эту фразу.

На следующий день он запил, и мы еще лишь пару раз созванивались, не определив более общих интересов в жизни последующей.

Марк оказался очень вежливым человеком. Провожая нас до дверей своей мастерской, он сказал, что мы классные ребята, и если нас посетят новые интересные идеи, он будет рад нас видеть в любое время. Еще он мне дал несколько литиевых батареек, сказав, что его интересует возможность их реанимации. Эти странные, размером с пятак батареи заряжаться не хотели никаким из доступных мне способов, и я, убрав на антресоли весь свой электрохлам, что образовался у меня за четыре месяца дурацких опытов, впал в хандру и уныние.

Прошел месяц, я обреченно ходил на работу три раза в неделю, слабо представляя, как можно изменить в лучшую сторону семейное материальное бытие. Решил в начале новой недели найти вторую работу по специальности, взять театральный кружок или еще вписаться во что-то официальное.

Совсем не знаю, в силу каких причин в один из свободных от работы дней я снова оказался в мастерской Марка. Он мне обрадовался, спросил какие у меня успехи в деле зарядки литиевых батарей. Я как в тумане смотрел на то, как он молотком стучал по боковым кнопкам японских часов Casio. Мне вдруг открылось, что и я могу чинить часы таким нехитрым способом, только я могу это сделать лучше. У меня уже несколько лет были дорожные часы-калькулятор той же фирмы, я купил их в комиссионке за 190 рублей, а потом угробил случайно. Много и без результата пытался вернуть их к жизни. Похоже, что устройство кнопок я знал лучше Марка. Их вовсе не надо было колотить молотком и лить на них масло. Кнопка легко разбирается изнутри корпуса, вытаскивается вместе с пружинкой из стакана, очищается от жира, собирается и работает как новая.

– Марк, я умею чинить электронные часы. Вам не нужен помощник? – сказал я или кто-то вместо меня.

По крайней мере, я понял, почему оказался в мастерской во второй раз. Марк перестал колотить молотком и внимательно посмотрел мне в глаза. Потом, молча открыв ящик стола, стал что-то набирать себе в руку.

– Вот тебе внутренности от часов. Мне надо, чтобы они показывали цифры и играли музыку. Сколько соберешь рабочих механизмов, столько я тебе дам красных бумажек с Лениным, идет?

Только дома, сидя вечером на кухне, я понял, что учудил форменную авантюру. На столе лежали потроха от модных часов «7 мелодий» – круглые пластмассовые шайбы разных цветов с потухшими индикаторами, странными пружинками на платах. Что там внутри, если открутить маленькие шурупчики на плате, я не смог узнать в первый вечер, у меня не было дома крестовой отвертки нужного размера. Вернее, отвертка была, но нужна была отверточка – маленькая, совсем маленькая...

Отвертки появились на следующий день, а вместе с ними страх и злость на себя от того, что влез в предприятие, совершенно не предполагая, как разгребать эту ситуацию. Разобрав первые часы до основания, я с удивлением обнаружил, что вообще не понимаю, из чего они состоят. Какой-то маленький конденсатор, какие-то бурые кирпичики на плате размером с четвертушку рисового зерна, какая-то ферритовая катушка с намоткой из проволоки толщиной с мой волос. Было очевидно, что сам электронный механизм размещался по центру платы под пленком из эпоксидной смолы. Бог мой, я преподаватель режиссуры и сценарного мастерства, какое я имею право прикасаться ко всему этому...

Следующий день я потратил на поиски маленького низковатного паяльника. Это было нелегко, но я нашел что-то сносное на окраине города и остаток вечера лысым напильником уменьшал его медное жало до требуемых мне размеров. Много позже этой ночью я запустил первые в своей жизни импортные электронные часы. Я не знал, что это моя победа, но я знал, что сделал свой первый и важный шаг на пути к ней...

Через две недели я принес Марку четыре работающих механизма. Я был недоволен своим результатом – шесть часовых механизмов я не смог вернуть к жизни. Станным образом, Марк был очень доволен. Оказалось, что он скинул мне «дрек», так он называл хлам, отложенный на разборку, а я вернул к жизни четыре трупца.

Удивительное чувство – нести домой заработанные деньги. Сорок рублей, треть моей зарплаты преподавателя. Формально деньги я зарабатывал и раньше. В восемнадцать лет, будучи студентом первого курса, я получил тысячу рублей – авторский гонорар за принятую к постановке театром пьесу, потом шли небольшие отчисления из трех театров. Сразу после армии я получил рублей пятьсот за публикацию другой пьесы в журнале. Писал рецензии вместо отца по заказу министерства культуры. Все эти деньги, сложенные вместе, значили для меня много меньше этих первых сорока рублей, полученных мною за неожиданно обретенное ремесло. Я нес домой не только деньги. Марк дал мне целую кассу с работой.

Касса – это плоская коробка с крышкой из плотного картона, поделенная на десять ячеек. В каждой ячейке лежат часы клиента, завернутые в квитанцию. Марк взял меня на работу мастером по ремонту импортных электронных часов.

Можно смело в этом месте поставить жирную точку, потому что все случайности, совпадения и неожиданные встречи, приведшие меня в сферу услуг, закончились – началась кропотливая и вполне увлекательная работа.

Работы было много. Я два или три раза в неделю ездил в мастерскую к Марку и забирал кассы с клиентскими часами. Мои близкие слабо понимали суть происходящего. К тому, что в жизни повседневной я способен починить многое, они давно привыкли, но коробки с электронными часами на кухонном столе первое время вызывали у жены и тещи здоровое изумление. Впрочем, здоровое изумление вскоре сменилось чувством тихой радости и уверенности, что я приношу домой деньги, и деньги при этом не маленькие по советским меркам – 70-90 рублей за одну ночь непыльной работы на кухне без отрыва от лона семьи. Мне и самому казалось, что это большое надувательство с моей стороны, что все мои удачные ремонты – результат везения и череды случайных совпадений. Уверенность в том, что это серьезно и надолго, пришла ко мне только после ремонта первой сотни часов.

Одновременно с уверенностью пришло и осознание того, что грамотный и системный ремонт предполагает от меня комплекс серьезных усилий по созданию и развитию инстру-

ментальной базы, фонда запасных частей, багажа специальных знаний и обретенных умений. Ничего этого у меня не было, и взять это в конце 80-х годов было нигде. Это сейчас все просто до неприличия – магазины ломятся от обилия специализированного инструмента, закупить фурнитуру и комплектующие к чему угодно – вопрос нескольких часов, а любые знания и инструкции получаются по месту жительства через строку поиска в Яндексе. В моей прошлой жизни было огромной проблемой достать элементарный паяльник на 12 вольт, а мне нужен был не элементарный, а миниатюрный на 6 вольт. В итоге мой первый паяльник на 6 вольт мне достал мой студент на закрытом подмосковном военном заводе. Теперь не помню, где я раздобыл титановые пинцеты, цанги для микросверел, микроскоп.

Через единственную рекламную газету того времени я начал скупать сломанные импортные электронные часы и игры. Много работало и шло на продажу, остальное разбиралось на фурнитуру и запасные части. Знания собирал по крупицам и в обмен на свои у двух московских частников-надомников, с которыми познакомился через ту же газету. Уже через месяц я знал, что маленький конденсатор, это кварцевый резонатор, что обкладочные кирпичики-конденсаторы во многих моделях крепятся не на олово, а на токопроводный клей, потому они и отходят от контактной площадки, что канифоль нужно разводить в спирте и работать с раствором, еще я знал, что совсем скоро мне понадобится лабораторный блок питания и осциллограф...

Иногда было очень много работы, и я работал в мастерской с Марком, но основную работу я делал дома. Впрочем, через полгода Марк отошел от дел, собирая чемоданы на ПМЖ в Америку. Хозяином мастерской стал унылый полковник в отставке, который мало что умел делать с часами, при этом он ввел практику бесплатных ремонтов. Это когда я должен был делать часы директору цеха, главному инженеру завода, его теще, зятю, кому-то еще и все даром, дабы не раздражать арендодателей и крышевателей. Отставной полковник вскоре почувствовал себя настоящим хозяином мастерской, начал пить днем и увеличивать мне объемы бесплатной работы. У Марка за ремонт часов я получал половину от стоимости работы. Когда новый хозяин стал поговаривать, что половина – это много, я без всяких переживаний ушел из мастерской.

Жадный полковник не предполагал, что я, предвидя его прогрессирующее жлобство, уже нашел две государственные мастерские, которые под меня набирают заказы. Еще жадный полковник не знал, что закон Ломоносова о том, что сколько в одном месте убудет, столько в другом месте присовокупится, работает и в наши дни. К моменту моей работы с двумя мастерскими Мосремчас у меня дома присовокупилось достаточное количество импортной фурнитуры и часового инструмента. Думаю, нет нужды говорить о том, что у Марка я бы и винтик не взял без разрешения.

С этого периода началась моя самостоятельная работа теневого часовщика-электронщика на государственных точках предприятия Мосремчас. Работы было очень много, но меня это только радовало. Четыре года я обслуживал пять государственных мастерских и три частные точки. Уже через год я с теплом и улыбкой вспоминал свои первые шаги на поприще часового ремонта. Давно был куплен, а затем и продан, громоздкий осциллограф, а его место занял маленький универсальный прибор, который я собрал сам в корпусе компактного тестера, и этот прибор свечением диодов, движением стрелки и разнотонными звуками рассказывал мне все о батарейках и часах, что попадали на мой рабочий стол. Чем больше я работал, тем меньше времени у меня уходило на ремонт. В конце 80-х рынок был наводнен азиатскими электронными часами. Мужские и женские «7 мелодий», пластиковые аналоги «J-Shock» всевозможных цветов, женские «Крабы» и «Бублики», часы с калькулятором, кулоны с часами, ручки с часами, перстни с часами, ручные часы с радиоприемником – все это вдруг хлынуло в СССР тоннами, радуя неизбалованных жителей огромной страны броским дизайном и функциональностью.

Через год проблем с запасными частями у меня не было. Возникла другая проблема – где все это хранить системно и, вместе с тем, компактно. Ремонт часов не занимал много времени, так как мне теперь было проще заменять неисправные детали или целые механизмы на рабочие. Паяльник и приборы нужны были в отдельных сложных случаях, когда попадались часы редкой модели. Легкие ремонты-замены развращали меня как специалиста, и я решил не обходить своим вниманием часы кварцевые. Прошло еще немного времени, и я научился разбирать и собирать миниатюрные механические организмы с колесиками. Установку моста на пять осей, когда магнитный ротор шагового двигателя величиной с частичку рисового зернышка так и норовит выскочить и спрятаться на внутренней части пинцета, я проводил без пинцета и часовой лупы только с помощью деревянной зубочистки. Ремонты кварцевых часов стоили дорого, но и удовлетворение я получал от исполненной работы настоящее, оно мне было дороже полученных денег.

Сейчас, по прошествии времени, можно определить несколько причин, приведших к успеху моего индивидуального начинания. Это, конечно, уникальный исторический момент, когда советские люди не только покупали одноразовые часы за большие деньги, но и платили хорошие деньги за их ремонт. Классические часы «7 мелодий» стоили в среднем 60 рублей, это для многих составляло половину зарплаты. Соответственно, граждане охотно платили мастерской 15 рублей за ремонт, из которых половину я забирал себе. Государственные мастерские не брали эти часы в ремонт из-за отсутствия запасных частей, а устранять поломку с паяльником никто из мастеров не мог себе позволить ввиду отсутствия такого паяльника или даже представления о нем, нужных знаний и времени. Свои основные деньги мастера собирали на замене батареек. Впрочем, очень многие все же брали часы в ремонт, предварительно загнув второй контакт в паз для батарейки. Они показывали клиенту часы с новой батарейкой и пустым индикатором, клиент, как правило, на ремонт соглашался.

Таким образом, ремонт часов заключался в устранении рукотворного короткого замыкания. Клиент гулял двадцать минут на улице, а мастер пинцетом или отверткой возвращал загнутый контакт на место и клал в итоге в карман 15 рублей, украв у благодарного клиента три бутылки водки и сырок или пять килограммов вареной колбасы, или батон хлеба «нарезного» 115 штук и еще горбушку – столько нехитрого товара можно было купить на эти деньги в те годы.

Еще одной причиной моей комфортной работы было полное отсутствие конкурентов. Были два мастера-электронщика, которые выходили с объявлениями о ремонте и покупке импортных электронных часов, но они работали дома и с мастерскими отношений не завязывали. Мы много и продуктивно общались, но для меня до сей поры загадка, отчего они не работали с государственными мастерскими. Впрочем, я сам не сразу нашел мастерскую, где мне предложили работу, но уже потом по их устной рекомендации мне открылись двери часовых мастерских на Соколе, на Парке Культуры, на Войковской. В мастерских мне в день первого визита отдавали кассы с часами клиентов, никогда и нигде не спросив ни паспорта, ни залога – такие вот высокие отношения были приняты у часовщиков на излете социализма.

Основное время и энергия уходили у меня на разъезды по точкам, но я быстро научился ездить на такси, резонно полагая, что мое время теперь действительно стоит денег. Со всеми мастерами я работал на условиях пятидесятипроцентной оплаты – это было правило, которое никто никогда не оспаривал. В среднем в месяц я зарабатывал тысячу рублей и больше.

Деньги я особо не считал, просто складывал лишние стопкой на своей полке в открытом шкафу. Когда стопка разрасталась и красные купюры с Лениным начинали путаться с другими моими вещами, я относил их в сберкассу. Хорошо помню, что ровно через год после моего неожиданного ремесленного старта на моем счету оказалось 16 тысяч рублей. Я пришел домой и рассказал жене, что мы можем теоретически купить Волгу, но «зачем нам Волга с ее пристанями и пароходами». Машину я тогда водить не умел и считал ее ненужной в таком сума-

шедшем городе, как Москва, да и купить ее просто так было очень сложно, наличие денег на покупку мало приближало людей к заветной цели, так как автомобили в стране были предметом самого большого дефицита и на них были очереди. Видеомагнитофон удалось достать за 5300 («Жигули» столько стоили). Хорошо помню, что это был Sanyo 4100. Уж очень мне хотелось, чтобы дочь смотрела мультфильмы не по телевизору, а когда ей захочется. Я очень любил, почти как режиссер Волчек, заходить в комиссионные магазины. Я не был вещист или стяжатель, для меня это был созерцательный портал в мир передовых электронных технологий. В то время, как отечественная промышленность покрывалась трупными пятнами, мир окружающий, подсмотренный в комиссионке, восхищал меня всякими диковинками из дня завтрашнего, которые мне очень хотелось потрогать руками. Самой нелепой моей покупкой был беспроводной квартирный телефон с огромной телескопической антенной и продолжительностью автономной работы 30 минут – это один раз с мамой поговорить.

До распада СССР оставалось полтора года. Новый круг тематических знакомств и объявления в рекламном приложении газеты «Вечерняя Москва» о скупке неисправных импортных электронных часов иногда приводили меня к исключительно продуктивным сделкам с оптовыми продавцами часов и батареек. Иногда часы я покупал и по 500 штук зараз, грамотно скинув прайс с двадцати пяти рублей за штуку до трех, батарейки мог брать с десятков тысяч в промышленной упаковке. Нередко месячный заработок часовщика я удваивал или утраивал изящной дневной разовой сделкой.

Для полноты изложения нужно сказать, что в течение полутора лет каждую субботу я выезжал работать в палатку у метро Рижская. Это был расцвет знаменитой барахолки у Рижского рынка, неонепманской московской барахолки. Часовая палатка стояла в двадцати метрах от выхода из метро, была заметна и востребована, с моим приходом клиенты в субботу шли потоком, и я приезжал чинить часы в режиме реального времени. За три-четыре часа работы в табачном чаду под гомон пестрой толпы за окном и непреходящий скулеж «Ласкового мая» я обычно делал свою месячную зарплату в училище, иногда и больше.

Там, на ступенях рижского рынка, я встретил своего лучшего институтского друга. С большой картонной балалайкой он пел русские песни в составе небольшой фольклорной группы. Через пару лет он уедет навсегда петь в Швейцарию, но об этом мы тогда не знали. Друг не раз приходил в мастерскую после халтуры и долго с удивлением смотрел на мои манипуляции с чужими часами. Глазам своим он верил, но голова его отказывалась понимать увиденное, делился он со мной своим потрясением от впечатления обретенного, где режиссер чинит электронные часы, в которых шевелятся умные цифры.

Однажды я, устав от духоты и сигаретного дыма решил показать ребятам, что такое правильная реклама. Они в этот день купили у проводников ящик дезодоранта «Нежность» и шумно гадали, кому его задвинуть. Я сказал, что такой выразительный товар выгоднее продавать в розницу, не выходя из палатки. Выпав в окно до середины тела, я воздел над собой обе руки с пестрыми жестяными флаконами, привлекая внимание обывателя нехитрой пластикой тела и веселым зазывным рифмованным экспромтом:

На подмышку и в промежность

Брызжем спрей с названием «Нежность»!

В ту же минуту я понял, что меня тут знают.

– Игорь Анатольевич, ай-яй-яй, – у окна стояла преподаватель сценической речи из нашего училища, которая, как потом выяснилось, приехала на барахолку за большой импортной куклой для маленькой племянницы.

– Вот, Регина Валентиновна, на кусок хлебушка себе зарабатываю, – слукавил я расторопно.

– Понимаю, без хлебушка икорка в рот не лезет.

В училище знали, что я занимаюсь чем-то на стороне, да я и не считал нужным это скрывать. Член коллектива, который не приезжает в день зарплаты за деньгами, а в другие дни прибывает на работу на такси или частнике, просто обязан инициировать здоровый социалистический интерес у внимательных коллег. Мне говорили в близком окружении, что в педагогическом коллективе имеют место самые разные слухи и домыслы, но меня это мало занимало. Я не рвал с основным официальным местом работы, так как там лежала моя трудовая книжка, накапливался непрерывный стаж, а я в ту невразумительную пору еще не предполагал ставить крест на преподавательской карьере.

Итак, денег хватало на все с большим избытком, я не разрывался на части, добывая их, при этом мне нравился и процесс, и результат, но месяц за месяцем я стал ощущать образование странной тревожной пустоты внутри себя.

Семейные походы в гости стали тяготить меня, так как теперь я на своей шкуре ощутил, что такое терапевт в компании. Мало кто теперь интересовался моим внутренним художественным миром, все наперебой задавали вопросы про часы и их ремонт. Сломанные часы совершенно случайно лежали у всех родственников и гостей в карманах, и я в итоге научился носить с собой минимальный набор инструмента и горсть ходовых батареек.

Найти себя посредине себя самого мне помог отец. Вся причина в том, сказал он мне, что я могу быть десять раз рукастым и головастым, могу заработать больше денег, при этом быть свободным как сейчас, не строя сложных отношений с людьми и не увязая с головой в достижение новых целей, но не это мое главное дело жизни. В этом причина моего настроения и внутреннего вопроса к самому себе.

Мой папа, мой бескорыстный учитель и друг, оказался опять прав. В один из вечеров, дождавшись свободной кухни, я сдвинул на край стола все свои кассы, коробочки, отвертки и паяльник, положив перед собой стопку чистых листов и ручку.

В итоге все сложилось. Я, как и прежде, занимался ремонтом, но как только я чувствовал, что в голове моей вызревает новая глава романа, я бросал все железки, хватал бумагу и погружался в свой мир чувственных фантазий до самого рассвета. За полтора года я написал замечательный роман.

В начале бурных 90-х мой бизнес начал выразительно угасать. Сначала другими стали деньги, потом страна, потом рынок, а затем люди и их отношение к однодневным вещам. Заниматься ремонтом мне стало экономически невыгодно.

Сегодня мне о том времени напоминает старый титановый пинцет, который упорно преследует меня уже почти двадцать лет.

Пару лет назад я увидел в палатке с прессой знакомые до боли мелодийные часы «Монтана» за 50 сегодняшних рублей. Я купил их, просто чтобы подержать в руках и унести ненадолго в воспоминаниях в век прошлый, туда, где осталась тень моей поздней задорной молодости...

Гоша

Я родился в прошлом веке в год полета первого человека в космос и благодарен родителям уже и за то, что они не назвали меня Юрой. Мой отец как всякий художник широкого свойства пил три дня до моего рождения и три дня после. Иногда один, а иногда и в компании других художников широкого свойства он появлялся около роддома им. Крупской что на 2-ой Миусской вне всякого расписания, дабы убедиться, что заключительный этап великого таинства случился или вот-вот это произойдет.

Однажды, за пять часов до моего рождения он забрался на большое старое дерево напротив окна палаты, в которой я лежал внутри моей матери. Я помню, что мама ругалась сильно, но делала это с чувством гордости и удовлетворения – это именно к ней именно ее муж залез на дерево. Другие нормальные мужья ходят в урочные часы через дверь, как это положено по правилам, а у нее муж – художник широкого свойства и замыслы личной фантазии реализует наотмашь, широкими мазками, как велит его гуманитарная натура.

– Ваш муж на ветке сидит? – закричала, вбегая в палату старшая сестра.

– Ну а чей еще! – ответила моя мама уверенно. – Мой, Чечётин!

Екарный бабай! Это такая фамилия у меня будет снаружи, я наотмашь лягнул маму в живот, и у нее немедленно отошли воды.

– Рожаем, гражданочка, рожаем!

Суровая старшая сестра мгновенно забыла про моего пьяного отца на дереве.

Через пять часов, сломав мне ключицу, добрая женщина выдернула меня наружу и, хлопнув по склизкой попе, принялась кричать как оглашенная.

– Мамаша, кого родили? Мамаша, очнитесь! Кого родили?

Тут много неясных моментов, которые и я помню с трудом, точнее, почти вообще не помню, а всякая жена художника широкого свойства обретает в совместном сожитии с натурой творческой склонность к вымыслу, гротеску, фантазии и исторической небрежности.

Есть мнение, что шел я плохо и ногами вперед, еще рассказывали, что пуповина намоталась мне на шею. Позже я узнал, что голова у меня была очень крупная и я ей вертел от духоты и нетерпения, отчего в итоге я застрял, и меня тащили щипцами. Еще моя мама решила, что я родился мертвый. Впрочем, это вовсе уже неважно, так как все в итоге закончилось как у всех, и меня, наградив биркой на руку, отнесли в комнату для младенцев.

Во всей этой незатейливой истории есть один очень приятный для меня момент – таинство имянаречения. То, что мои родители не жлобы и Юрой меня называть не станут – я был уверен, но при этом мне очень не хотелось, что бы меня называли Сергей, Андрей, Александр, Алексей, Лука, Яша, Святослав, Альберт – список очень длинный.

На третий день моя мама получила от отца большое письмо, которое я помню слово в слово – уже тогда я любил читать за едой. Изложу суть его вкратце. Мой папа написал моей маме, что ему очень не нравятся все имена, которые можно уменьшительно извращать – Витька, Колька и тому подобное. Именно поэтому ему приятно имя Игорь. Самое страшное производное от этого имени – Игорек, что уже само по себе не так уж и плохо.

Мама три раза прочитала письмо, ненадолго задержала взгляд на знакомом дереве за окном и, обратившись в итоге ко мне, сказала ласково:

– Привет, Гошка!

Часы остановились в детстве

Двор моего детства, служит мне убедительным индикатором неизбежного хода времени. Сегодня, при быстром взгляде на него, он для меня почти кладбище. Только когда, навещающая стариков, случится мне изредка прилечь на свой диван из юности и закрыть глаза, звонкие голоса неизвестных детей за окном пробуждают с невероятной силой столь много внутри меня, что хочется рыдать как от большой и непоправимой обиды.

Двор моего детства – маленький, сгорбленный, скукоженный. Прошедшее сквозь меня время не пощадило и окружающее меня пространство. Разве в этом дворе можно было играть в войну, в прятки, в лапту, наконец? Приезжая к родителям, я теперь с трудом уместаю в нем машину.

Оказывается, что вопросы пространства и времени очень легко решаются в детском возрасте. Пространство – это двор, в котором ты встретил свое детство. Я давно заметил, что никто никогда не говорит спустя годы, что двор его детства был маленький. Двор детства – это целый мир, полный запретных закоулков, мистических объектов, любимых затаенных схронов. А время в детстве – это то, чего вообще не существует по умолчанию. Время в детстве – это когда день закончился. Это когда футбольный мяч почти не различим в октябрьских сумерках. Время в детстве – это когда из окна хрущевской пятиэтажки раздается оклик: «Игорь! Сергей! Наташа! ДОМОЙ!!!»

Я не любил игры в мяч, я любил играть в войну. Любая война в моей далекой мелкости отличалась весьма бесхитростным сюжетом, где большая часть времени отводилась подготовке к сражению, за которой в итоге следовал скоротечный и бестолковый бой с обязательной стопроцентной смертностью всех его участников. Эдакий прообраз современного пейнтбола, только вместо шариков с краской были разящие врага наповал слова и звуки, которые необходимо было прокричать за себя и свое оружие раньше, чем это сделает противник. Впрочем, не всегда сразу наповал.

– Тра-та-та-та-та, падай, немецкая свинья.

Предполагалось, что я, перерезанный плотной автоматной очередью, завалюсь на землю, как куль с картошкой, однако я офицер СС, а потому хитер и коварен.

– Дойче официрен ранен, и у меня есть драй гранатен, – кричу я из-за куста и с отчаянным звуком «бдыыыщщщ» из последних жизненных сил кидаю в соседа по подъезду шар из сырого песка, завернутый в обрывок газеты. Граната у меня была всегда одна, а «драй» – это специальная военная хитрость, и теперь я умираю в мучениях с чувством глубокого удовлетворения.

Не я один любил играть в войну на стороне немцев. Мы ненавидели немцев как оккупантов, но нам всегда нравилась их ладная и выразительная форма, погоны с оплеткой, фуражки с задранной тульей, каски с защитными откосами. Зато весь мой патриотизм и верность социалистической родине я вкладывал в долгую и мучительную смерть агрессора, падая, поднимаясь и снова падая, зажимая руками попеременно раненый живот, затылок, раздробленное колено, вытекший глаз, место, где помещается сердце.

Сидевшие неподалеку бабульки, выдавшие в долгой жизни разное, хоть и знали, отчего Ньюшин внук корчится на газоне как анчутка, но от греха незаметно крестились.

Возможно сегодня, доведись мне прилечь в полумраке на кушетку к опытному мозгоправу, расскажет он мне без особых глубинных погружений внутрь моих паттернов, что сия детская любовь к протяженной во времени агонии немецкого офицера была моей внутренней компенсацией за отсутствие моих дедов на великой войне. Дед по матери умер за год до войны от долгой болезни по вине крестьянской пули, поселившейся в нем еще со времен продроз-

верстки, а дед по отцу два десятка лет выправлялся для новой жизни в сталинских лагерях далекой Колымы.

Не мог я похвалиться и отцом: профессия «аспирант литературного института» никакого профита в кругу моих приятелей мне не являла.

Впрочем, однажды и на моей улице выглянуло солнце. Как-то отец, разбирая ящик своего старинного письменного стола, выложил среди документов и бумаг небольшой серый конверт, в котором оказались фрагменты черно-белой позитивной пленки. Отец объяснил, что это кадры от киноленты фильма «На дорогах войны». Я знал, что мой отец до приезда в Москву работал в провинциальном театре, но это не стало поводом для моей сыновней гордости. Теперь же я был поражен непонятной скрытностью моих родителей. Столько лет не говорить мне, что я сын киноактера! Оказалось, что мой папа снялся в двух фильмах, и оба фильма про войну.

Ребята во дворе обступили меня плотным кольцом, и все долго по очереди рассматривали на фоне синего неба героические кадры, где один танкист-самоходчик истекал кровью на руках других членов экипажа, среди которых был и мой отец.

Прошло совсем немного времени, и папа обрадовал меня, сказав, что сегодня будет идти другой фильм с его участием – «Часы остановились в полночь». Фильм рассказывал о минских подпольщиках, организовавших покушение на местного гауляйтера. Понятно, что мой отец в этом фильме не центральный персонаж, но ведь именно из героического вектора каждого отдельного человека складывалась в итоге великая победа!

В означенное время в нашем дворе стало тихо. Все мои приятели предупреждены и уже, конечно, прильнули дома к телевизорам. В такой замечательный день я не мог отказать себе в радости коллективного просмотра, пусть и на стареньком телевизоре «Рекорд», и к удивлению моих родителей, привел с собой двух коллег по дворовым забавам.

Фильм был громкий и динамичный, под музыку Бетховена и Рахманинова рвались снаряды и рушились здания, героических партизан в лесу сменяли захватчики в оккупированном городе. Я спрашивал отца, скоро ли он появится на экране. Я ждал его с гранатой или автоматом в руке посередине тяжелого боя. Пусть недолго он будет в кадре и никого не убьет в этот момент, очень важно, что его увидят мои друзья, и частица его героического образа по праву прямого наследия осядет и на мои детские плечи.

– Вот сейчас буду я, – сказал нам отец неуверенно. – Да, вот я стою спиной.

Стоящий в кадре сутулый человек меньше всего был похож на героя-подпольщика, да и сама сцена не предполагала героического развития: немецкий офицер в пенсне давал задание группе пильщиков дров для проведения коварной провокационной инсценировки. Я с надеждой посмотрел на отца...

– Ты будешь комсомолец! – офицер ткнул сутулого человека пальцем в грудь.

– Нет! – истерично закричала сутулая спина в телогрейке голосом не моего отца. Немца крик не испугал, и экран обновился новым планом.

– Вот, детки, такая маленькая ролька со словами в кино называется эпизод, – пробормотал отец в свое оправдание.

На следующий день я старательно избегал выхода во двор: три раза наводил порядок на рабочем столе, читал, уединившись, пытался помогать бабушке на кухне, но в итоге заботливые родители выперли меня из дома, и я на ватных ногах направился к ожидавшим меня ребятам, которые уже все знали про трусливую спину в телогрейке посередине оккупированного Минска.

Мог ли думать мой отец, что его участие в киноэпизоде через десять лет обернется для меня целой главой глубоких детских сомнений и переживаний в жизни реальной.

С ребятами я в итоге договорился. Мы решили, что выводы будем делать после просмотра фильма «На дорогах войны», где он в шлеме танкиста.

– Может быть, он там погибает? – спросил меня кто-то с надеждой

– Нет, я спрашивал, не погибает, – ответил я с грустью.

Великодушие и всепрощение у русского человека определяется специальным звеном генетического кода. Уже минут через десять я играл с ребятами в войну, где снова падал в образе немецкого офицера. Падал смертельно раненый и вновь поднимался, прижимая к плечу оторванную руку, другие части тела, изображая смерть еще более остервенело, вероятно, уже не только за моих не воевавших дедов, но и за отца-аспиранта.

Ян Амос Коменский

С самого раннего детства я был очень задумчивым и странным ребенком. Задумчивость моя пугала родителей, ибо проявлялась она в том, что я мог долгими часами созерцать процессы, продолженные во времени и не предполагающие быстрого и часто выразительного результата. Я мог застыть на стуле на кухне у плиты и наблюдать, как нагревается вода в ведре. От начала и до самых крутых пузырей я смотрел на воду, если только меня не прогнали с кухни по бытийным причинам.

Десять месяцев изо дня в день я сидел у окна и смотрел, как за ним, на месте последнего древесного дома с забором, огородом и дымом из трубы, стали строить двенадцатизэтажную кооперативную башню. Кажется, я даже дождался заезда первых жильцов и лишь тогда вернулся к привычной жизни маленького московского мальчика из Черемушек. Вернулся к нехитрым игрушкам, стал ходить в детский сад, обрел первых приятелей на детской площадке.

В детском саду я неожиданно нашел союзников в лице воспитателей. С восьми часов утра и до самого завтрака, который был у нас в начале десятого, детям не разрешалось играть друг с другом и вообще перемещаться по группе. Нас рассаживали на стульях по внешнему периметру ковра, и мы сидели молча, понимая, что только так мы не мешаем педсоставу продуктивно работать по профессии. Хорошо, когда я оказывался на стуле лицом к окну.

– Вот, лошадь на телеге поехала, – говорил я не кому-то, а тихо сам себе, отмечая услышанное, так как сидели мы ниже уровня подоконника, и я мог лишь слышать звук лошадиных копыт и скрип телеги последнего в районе старьевщика.

Если я сидел спиной к окну, то смотрел неотрывно на портрет маленького белокурого мальчика, которого полагалось звать или по имени отчеству или просто – дедушка Ленин. Я тогда еще не понимал, что сделал дедушка-мальчик для меня лично, но всегда ощущал себя виноватым, очень хорошо понимая, что он всегда будет лучше меня и, даже если я буду очень стараться, я не смогу стать таким, как он, и новые дети моей страны не будут звать меня Анатолич.

Часто я сидел лицом к большим круглым часам, у которых длинная стрелка неожиданно дергалась и, качаясь, застывала на новой отметине. Я не помню, о чем я тогда думал, но, несомненно, я думал о времени и о том, что я очень долго буду маленьким, а это очень неудобно и даже обидно. Обидно, когда тебя заставляют есть вареный лук, от которого так тошнит, что хочется разбить голову о стену. Обидно, что тебя укладывают спать посередине июньского летнего вечера, когда за окном совсем светло и двор еще наполнен детскими криками и восторженным визгом. Обидно, что тебя заставляют загорать в Серебряном бору на одеяле в центре лужайки с колючей травой и при этом снимают с тебя трусы, объясняя, что это полезно, что так надо. «Так не надо», – кричу я сквозь слезы отцу, понимая, что нельзя даже маленькому человеку без трусов, без трусов очень стыдно. Отец не верит мне, он и себе заворачивает трусы, превращая их во что-то запредельно набедренное – тело должно радоваться солнцу.

Понятно, что когда-то я стану большим, это после школы. А потом я стану старым и в итоге умру. Это так страшно, что об этом я стараюсь думать совсем чуть-чуть, не доводя себя до грудинного мороза. Это получается, так как ощущение предстоящей дистанции сокрушает меня своим размером, размывая финальную черту, превращая неизбежную далекую смерть в условное событие, которым в три с половиной года вполне можно и пренебречь.

В пять лет, рассматривая рисунок на пачке с любимыми кукурузными хлопьями, я сделал свое второе гуманитарное открытие после осознания собственной смертности. На рисунке девочка, привстав на носки, держала над маленьким Буратино пачку с хлопьями, на которой девочка, привстав на носки, держала над маленьким Буратино пачку с хлопьями, на которой...

Я вспотел, понимая малым умом, что впервые в своей жизни совсем близко подошел к чему-то очень значительному или даже просто большому.

Мой папа решил, что мою задумчивость пора переводить в академическое русло и передал меня Яну Амосу Коменскому. Его книгу «Мир чувственных вещей в картинках» я всегда старательно нюхал, прежде чем открыть ее на первой странице. Это было замечательное советское издание 1957 года в плотном переплете с тиснением. Книга всегда убедительно пахла хорошим типографским клеем, но в детстве я определял это как запах мудрости и проверенных временем знаний.

«Мне остается сказать несколько слов об удовольствии, которое доставит детям пользование этой книгой. Дайте им ее в руки, чтобы они забавлялись, как они сами захотят, рассматриванием картинок, чтобы эти картинки стали им хорошо знакомы, даже дома, еще до посылки в школу!» – писал Ян Амос Коменский триста лет назад в предисловии.

Удовольствие? Двести тридцать восемь старинных гравюр с подробными описаниями из этой книги произвели большой взрыв в моей голове, который из моих детских ощущений, страхов, сомнений, робких предположений, мучений, нелепых озарений начал формировать мой единый и действительно чувственный мир, укрепив меня лицом к нему в самом начале большого и волнующего пути.

Огурец для любимой

Я нескончаемо молод и исполнен почти уникального превосходства над всем окружающим миром, потому что именно я достойно и бережно держу под локоток свою фантастически красивую жену, весящую 44 кг (может, уже немного больше, потому, как жена моя несет внутри себя наш уникальный креатив).

В тот день мы встретились в метро «Улица 1905-го года» и побрели неспешно в сторону Краснопресненской набережной. Нам незачем было спешить по многим причинам. Впереди вся жизнь – это первая и главная причина. Загрывать осенние листья ногами всегда лучше вдвоем – это и сейчас наше любимое занятие. Третья причина, по которой мне не хотелось спешить, это армейская повестка о необходимости через 20 дней явиться на сборный пункт на улице Угрешской. О повестке, полученной утром, я рассказал жене только сейчас.

– Мы очень быстро забежим в пару мест на выставке...

Жене по работе нужно быть там, и она, стараясь каплями осеннего дождя укрыть явившиеся слезы, сжимает почти до боли мою уже почти мужскую руку и резко устремляет наш совместный ход, предполагая, что быстрое действие, ускорив нашу неизбежную разлуку, обернется математическим фактом досрочной встречи. Я пытаюсь ее успокоить, ведь двадцать дней – это очень много...

– Знаешь, сегодня я приготовлю наш салат, – я пытаюсь поднять ее настроение.

– Какой салат, где ты возьмешь майонез?

Она не знает, что майонез я исхитрился купить сегодня утром.

– Моркови нет, горошка нет...

– Банку горошка я привез от родителей, а морковь попробуем купить по дороге или спрошу у соседей, – неожиданно для себя я нашел возможное решение...

На выставке я с любопытством наблюдаю, как моя жена старательно пишет в блокнот какие-то скучные данные про толщину пленки ПВХ, площади парниковых покрытий и марки бетона для фундамента. Скучная и безлюдная выставка «ни о чем» на тему парников в сельском хозяйстве СССР. Возможные достижения отечественной химии в сельском хозяйстве тут отображают большие декоративные корзины с муляжами овощей и фруктов.

Монструозные огурцы по 60 см, умело разложенные по корзинам, вернули меня к жизни реальной. Я купил майонез, есть картошка, яйца, горошек...

Я совсем забыл про огурцы. В моем салате должны быть огурцы. Пусть не такие большие, как тут, но настоящие. Подойдя к корзинам ближе, я увидел, что выставочные огурцы и есть самые настоящие. Я не узнал живые настоящие огурцы по той простой причине, что таких чистых, ярких и упругих продольных огурцов я за свою недлинную жизнь в магазинах не встречал.

Обратно к метро мы ехали на маршрутке.

– Салат делать собрался, а огурцов нет, – сказала моя жена неожиданно.

– Салат делать собрался, и огурцов ЕСТЬ! – сказал я, торжественно вынимая из рукава куртки длинный и непристойно зеленый для осеннего московского пейзажа почти экзотический овощ.

Огурцу повезло. Мы помним его уже тридцать лет.

Лето, мальчики, космонавт

Прямолинейное, без затей, июньское солнце плавало мне мозги, трава, на которой я сидел, вращалась в мои потные голые лодыжки, мелкая насекомая сволота карабкалась в сандали и выше, запястья покрылись волдырями от комариных засосов, мухи умело грызли основание головы между затылком и галстуком, а полуденный штиль то и дело сменялся нервным сквозняком, приносившим от блока унылых древесных строений тревожный запах говна и хлорки...

– Сын, поедешь на одну смену в пионерский лагерь от пищевого комбината, – то ли спросил, то ли обрадовал меня отец в первый день лета.

Для подработки он вел театральный кружок на комбинате, и ему предложили для меня бесплатную путевку.

В прошлом году я уже был в этом лагере, а потому меньше всего хотел повторения такого опыта, но экономическая ситуация в семье опять была сложная, и дачу мои родители могли снять только с июля. Отец предположил, что в этом году мне будет в лагере интересно. За год я здорово вырос, обрел новые интересы, а значит, авиамодельный кружок, свежие приятели, фильмы и даже танцы на клубной веранде скрасят мое недолгое пребывание вне города и семьи, пойдут мне на пользу в виде обретения опыта коллективного бытия, калорийного питания по расписанию и огромного объема лесного воздуха, который я просто обязан в себя надыхать из щедрых недр калужской природы.

И вот, ровно через год я опять сижу в составе безымянного пионерского отряда на газоне. Именно сейчас отряду предстоит обрести имя, после чего этот газон мы начнем превращать в отрядную линейку.

В прошлом году наш отряд назывался «Бригантина», и отрядной песней стала песня «Бригантина поднимает паруса». Через два дня меня уже физически тошнило и от занудной мелодии этой песни, и от ее малозначимых слов, и от названия отряда, а больше всего от убогой отрядной эмблемы, на которой парусное судно, до боли напоминающее завалившийся на бок дощатый сарай или сортир, упиралось в срез ватманского листа своим носовым острием. Лишь теперь, через много лет, когда я прочитал текст песни в интернете, мне стало понятно, что наш вожатый Женя эту песню, и без того никудашную, опилил, как опиливают пухоносные деревья в городе, являя по утрам удивленным горожанам вместо гордого тополя то ли виселицу в анфас, то ли индейский жертвенный столб. Оказывается, Женя выкинул из песни три вредных для советского пионера куплета, где поется про пиратский флаг «веселый Роджер», про людей капитана Флинта, про бокалы золотого терпкого вина. Получилась совершенно инертная, как газ фреон, тупая строевая пионерская мантра:

Надоело говорить и спорить,
И любить усталые глаза.
В флибустьерском дальнем синем море
Бригантина поднимает паруса,
Бригантина поднимает паруса.

Весь первый куплет мальчики и девочки нашего отряда подпрыгивают на ходу, пытаются добиться поступательного движения в ногу.

И в беде, и в радости, и в горе
Только чуточку прищурь глаза –
Ты увидишь, как в далеком синем море

Бригантина поднимает паруса,
Бригантина поднимает паруса.
Дорога от корпуса до линейки заканчивается после второго куплета.

Надоело говорить и спорить,
Надрывать до хрипа голоса.
В флибустьерском дальнем синем море
Бригантина поднимает паруса,
Бригантина поднимает паруса.

Третий куплет, он же первый, наш отряд поет, тупо маршируя на месте, по прибытии на отрядную линейку. Брр! Я вместо слова бригантина в знак тихого протеста пел негромко про «блевантину», «скарлатину» и «три кретина».

Вот с такой колченогой гунделкой нашему отряду предстояло жить всю смену и еще выступать на дружинном смотре строя и песни.

В этом году с названием отряда случился затык. «Красный сокол», «Чебурашка», "Марат Козей", «Юный пищик», «Ну, погоди»... Женя решительно тряс головой, отвергая все варианты. Я от скуки цинично пошутил, предложив и в этом году отряд назвать «Бригантина». И тут случилось страшное: Женя оживился, резво, как большая муха, посучил ладонями и сказал, что название, на самом деле, замечательное, тем более, что и песня для него уже есть.

Так началось зеркальное продолжение прошлогодней вселенской тоски, когда несколько дней до обеда все отряды обустроивали свои отрядные линейки. Сдирали молодую траву, насыпали песок, носили в пожарных ведрах щебень, дабы из него, как говорил наш Женя, «вылаживать» девиз отряда, линии построения и прочую декоративную красавицу.

Июнь начался с жары, но, несмотря на то, что рядом с лагерем под косогором была полноводная русская река с пологим песчаным берегом, никто из персонала не собирался организовывать нам купание – только термоядерное солнце и обезьянье колупание на тряпичных подстилках в центре ближней лесной поляны после ежеутренней часовой репетиции грядущего смотра пионерской зрелости.

Конечно, мы с нетерпением ждали вечернего кино. Еще мы ждали танцев для старших отрядов. Ждал танцев и я, вовсе не предполагая, какую свинью мне уже заказала судьба. Холодная испарина пробила меня навывлет, когда за час до долгожданного мероприятия я увидел движение пионерских масс в сторону комнаты хранения чемоданов. Народ потянулся за нарядами для томного пионерского вечера. Только тогда мне открылось, что в пионерских шортах на танцы я идти не могу, а из длинного – у меня только черные тренировочные штаны с яблочной вытяжкой в коленях. Вместо моих единственных серьезных штанов фасона «Техасы» с жестяными клепками мама заботливо вложила в чемодан белые физкультурные трусы с игристыми рукотворными ленточками по флангам.

Впрочем, мудрые люди давно заметили, что не только большая беда, но и среднего калибра неприятности не любят ходить в одиночку.

Вот и с авиамодельным кружком тоже получилось совсем не так, как мне это рисовало мое воображение. Авиамодельного кружка в лагере не оказалось, был кружок «Умелые руки», который помещался в фанерной избе за столовскими сортирами. Внутри избы висел едкий дым от множества выжигательных аппаратов, посредством которых горластая октябрятская мелкота уродовала разделочные доски для милых мам и бабушек. Мягкий мужчина, источающий пары уксусного альдегида, раздраженно кинул мне на верстах невзрачную картонную коробку.

– Самолет я тебе не дам! Планёр будешь собирать.

– Я не хочу планер, я хочу самолет.

Меня взбесил и этот мятый и его термоядерный перегар, и то, что в слово «планер» он упорно засовывал букву Ё.

– Бери планёр и начинай пилить нелюры, – мужик явно путался в терминологии

– Нервюры, вы хотели сказать, – поправил я его осторожно.

– Нелюры, я сказал, ёшкин кот! – мужик разозлился. – Умничать в Москве во Дворце пионерЭров будешь, понял?

В силу малого возраста и гуманитарного воспитания я не мог в ответ ударить мужика в пах сандалем, поэтому, специально сломав за пять минут все пять пилок от единственного казенного лобзика, я был с позором изгнан из рукодельной избы к обоюдному удовольствию сторон.

Дабы устойчивая грусть и всепроникающий холод одиночества не забрали меня в свой плен без остатка, решил я найти душевное отдохновение в окружающей меня природе, где всякое растение – и мелкое, и раскидистое – имеет строгий смысл бытия, угадав назначение которого, я смогу обрести союзника или даже друга, пусть безмолвного, но последовательного и предсказуемого. А когда совсем припрет – можно съесть большой мухомор или добрую жменю бузины и умереть незаметно. Буду я лежать в хохломском пионерском гробу посреди дружинной линейки в своих трениках с коленками, рвущимися к солнцу, и смотреть сквозь неплотные ресницы, как они все будут плакать и корить себя за то, что уморили меня, мальчика доброго и скромного, убили своим системным унынием и безрадостным серым бытом. Впрочем, это совсем на крайний случай...

Все мальчики нашего отряда размещались в одной большой палате, где с переменным успехом запах лосьона от комаров «Гвоздика» сражался с ароматом прокисших кедров. Я выбрал себе кровать у большого окна с видом на огромную зеленую лужайку хозяйственного двора. На рассвете я любил открывать окно, запуская в палату не только природный воздух, но и шмапки утреннего тумана с реки, который каждое утро укрывал лужайку без остатка.

Как-то проснувшись на рассвете, я завис на подоконнике с открытым ртом. В центре лужайки, рядом с сортиром хоздвора, утопая по брюхо в туманном киселе, стояла настоящая белая лошадь.

Днем я выяснил, что это лагерный мерин от хозяйственной телеги, мерина звали Мальчик, и больше любой травы он любил черный хлеб с солью.

Именно в этот момент мне открылось, чем быт острожника-заточенца отличается от жизни ссыльного с правом локального перемещения.

У острожника в друзьях возможен таракан-инвалид, сверчок унылый, крыса суетливая, а мне для нехитрой дружбы судьба посылает венец животного мира в виде замечательного коня белого цвета. Завтра начну дружить с коником.

Наступил новый рассвет, я вылез из окна и, гремя чужими резиновыми сапогами, надев на босу ногу, направился к своему новому четвероногому другу. Любой способный художник романтического свойства, если только это не Петров-Водкин, мечтал бы написать маслом одетого мальчика, кормящего на рассвете лошадь природного окраса. Мальчик на такой картине должен быть обязательно босым, но в длинной ночной рубашке с льняными кудрями, спадающими до плеч, как это, наверное, случалось у дворянских детей в детстве – у Темы, у Никиты или у Левушки Толстого. Вероятно, что и мерин Мальчик меньше всего хотел увидеть перед собой полуголого, остриженного под машинку пионера в ситцевых трусах и резиновых сапогах. Вместо того, чтобы деликатно снять с моей руки ломоть вкусного хлеба, а потом благодарно шептать мне в ухо свои лошадиные глупости, мерин раздраженно фыркнул, щедро покрыв меня соплями, и больно схватил за левую кисть желтыми нечищеными зубами.

Зло! Сколько непосильного зла и тупости обрушилось на меня за неполную неделю моего пребывания в этой унылой пионерской обители: ежедневное испепеляющее солнце, ленивый и равнодушный к работе вожатый, строевые упражнения под ненавистную мне песню, пьяный

и грубый самоделкин из кружка, штаны для личной жизни, забытые в Москве, и вот теперь эта лошадь-людоед с циничным именем Мальчик!

Письмо домой получилось совсем недлинным. Дабы не воспалить сердца родителей избыточной тревогой, я написал им, что все у меня хорошо, но совсем замечательно будет, когда они немедленно заберут меня отсюда, как можно быстрее, а если по какой-нибудь причине они воспримут мою просьбу как проявление минутной слабости, я найду в себе силы вернуться в Москву самостоятельно по шпалам электрического поезда, на что по моим расчетам у меня уйдет четыре с половиной дня.

Опережая события, скажу, что через четыре дня приехал отец и без малейшего упрека увез меня домой. Впрочем, за эти четыре дня произошло одно неожиданное событие, оставившее яркий штрих в центре мрачного полотна моих пионерских воспоминаний.

На лагерной линейке начальница лагеря объявила, что к нам в гости едет космонавт Попович. Ради такого великого события были отменены все репетиции смотра строя и песни. Лагерь истерически приводил себя в порядок и самоукрашался на тему достижений советского космоса. Дальше-больше. Меня позвал вожатый Женя и сообщил, что мне и еще одному мальчику с убедительным лицом оказана высокая честь дежурить в день приезда высокого гостя на лагерных воротах. Собственно, вторым встречающим был мой обретенный лагерный приятель Дима Великанов. Подружились мы с ним в трагический день танцев, потому что он предложил мне свои вторые брюки. Притом, что фамилия у него была Великанов, его брюки на мне не сошлись, однако поступок его я навсегда определил как значительный.

Вчера до самого отбоя мы раз восемь или одиннадцать наводили стрелки на пионерских шортах, гладили пионерские рубашки, пилюльки и галстуки, размышляя вслух об исключительной ответственности сегодняшнего мероприятия.

Появление космонавта Поповича в лагере мы себе представляли весьма прямолинейно. В моем воображении на дороге у лагерных ворот должен возникнуть высокий человек в форме летчицкого генерала, а Великанов уносился в своих фантазиях совсем за границы разумного подросткового воображения. Он утверждал, что нам не стоит удивляться, если мы увидим человека в оранжевом скафандре, который космонавт Попович может специально надеть для достижения значительного героического эффекта. Ясное дело, что в детстве и палка – винтовка и кирпич – портативная радиостанция, но нам доверили ответственное дело, и я призвал Великанова быть более серьезным и бдительным, тем более что у ворот появилась стая мрачных подростков из ближней деревни.

– Здорово москвичи – в жопе кирпичи!

Брутальный фольклорный зачин не предвещал социальной смычки дружеского свойства, но нас от местных отделяла высокая решетка лагерных ворот, и мы чувствовали себя вполне уверенно.

– Ребя, выходи к нам, поговорим по душам, или совсем зажидились в своей Москве?

Местные явно хотели выманить нас за ограду. Ну, я калач не лыком шитый, и не таких хитрецов видали, но в данной ситуации нужно вести себя и мудро и достойно. Ведь есть в истории отечественного бытия опыт удачного симбиоза дремучих крестьян и людей тонких и образованных. Великого писателя Тургенева мужики любили, ружье ему на охоте носили. Лев Николаевич, опять же, большой авторитет у русских мужиков имел, потому что снопы косил, с детьми народными забавлялся, денежку, пусть и скромную, жаловать крестьянину не стеснялся. И эти ребята за воротами неплохие по сути, они должны увидеть во мне своего человека, который не склонен над ними потешаться, а, напротив, и жизнь сельскую нелегкую знает не понаслышке и чувством открытым к людям простым искренне расположен.

– А что, хлопцы, родители ваши на покосе сейчас? – голос я подобрал предельно добрый и до противного доверительный.

– Ага, на покосе, ананасы косят!

Самый крупный селянин презрительно посмотрел на меня и цвыркнул слюной себе под ноги. Остальные подростки, как по команде, тоже освободили рты от излишков влаги, и вся группа удалилась по пыльной бетонке.

Дипломатические упражнения с аборигенами отвлекли нас от главного дела, но теперь, открывая калитку для дозорных маневров на дороге, мы старательно оглядывали окрестные кусты. От вожатых мы не раз слышали про коварство тутошной пацанвы и их умение стрелять в пионеров из рогаток.

Обедать мы ходили по очереди. Я вообще обошелся одним компотом, переживая, что космонавт Попович прибудет в мое отсутствие.

После полдника мы опять общались с местными, только это была другая компания.

– Эй, москвичи-в жопе кирпичи, выходи за красным паровозом!

Пустить кому-нибудь красный паровоз в моем детстве означало разбить противнику сопатку до крови. Я тихо сказал Великанову, что не вступить в драку иногда большая доблесть, чем безоглядно бросаться на противника с кулаками.

– Ссыкло московское, выходи стукаться один на один!

Это племя вело себя более агрессивно и настойчиво. Я решил не вступать в глупую перепалку, сделав отстраненное лицо, исполненное мудрости и одновременно бытийной усталости, которая замечена у людей бывалых, повидавших в своей жизни много разного. Для этого я сложил руки на груди, а взгляд свой устремил много выше голов кричащих оболтусов, упирая его в воображаемую «плюс бесконечность»...

Гнилой картофельный клубень я принял всей плоскостью упругого юношеского лба. Пилотка слетела с головы, да я и сам несколько поломался телом от неожиданности, боли и обиды, которая посетила меня следом. Местные громко смеялись, но совсем недолго. Меньше всего они ожидали, что «москвич-в жопе кирпич» – щуплый пионер Великанов заорет на них матом. Это был специальный взрослый мат, от которого перестают расти цветы, птицы забывают махать крыльями, а на лужах появляется мелкая морская зыбь. «Гондоны штопаные» – это самое малое и единственное, что я слышал в своей куцей жизни до дня сегодняшнего.

– Ты же говорил, что твой папа летчик?

Местные меня больше не интересовали, они гурьбой удалялись от ворот по бетонке. Мне же не терпелось услышать объяснения от Великанова.

– Папа летчик, а отчим милиционер, что не так?

Я сказал Великанову, что все замечательно и он вполне герой, и еще хорошо, что космонавта Поповича поблизости в этот момент не было. В какой-то момент нам обоим стало казаться, что нет и не будет никакого космонавта Поповича, что нас разыграли непонятно зачем. Впрочем, это были мимолетные сомнения. Из-за деревьев целый вечер раздаются звуки военных маршей из лагерных динамиков, песня про пыльные дороги далеких планет, про Гагарина, который сказал «Поехали», вожатый Женя периодически заглядывает к нам, спрашивая про настроение и наличие у нас остатков жизненных сил. Вот и сейчас он пришел к нам и сообщил новость, что официальная встреча дружины с космонавтом Поповичем переносится на завтра, но приедет он обязательно сегодня.

Мы с Великановым за этот длинный день переговорили о многом и даже почти устали друг от друга. Единственным развлечением для нас было открывать и закрывать ворота для машин, которые въезжали в лагерь и выезжали из него. Впрочем, машин было немного. Два раза приезжал каблучок с продуктами. Два раза приезжала говновозка чистить лагерные сортиры, один раз из лагеря выезжала телега, в которую был впряжен мерин Мальчик. Мальчик и тут отличился. Пока я открывал ворота, он насыпал на асфальт свои кишечные яблоки, а нелепая телега на широких автомобильных шинах не замедлила раскатать эти яблоки в штурдель, и мы с Великановым, проклиная живую природу, минут тридцать очищали асфальт. Асфальт в итоге мы очистили, но запах проклятой лошади остался с нами надолго.

На закате снова появились местные.

– Эй, москвичи-в жопе кирпичи, ваша смерть пришла!

Мы с Великановым уже давно поняли, что местные к нам приходят из разных деревень. Утренние местные приходят и уходят по бетонке влево от лагеря. Другие местные приходят с правой стороны. Это хорошо, значит левосторонние местные еще не знают про секретный вокабуляр Великанова. Впрочем, это очень сильное оружие, и мы применим его только в самом крайнем случае. Левосторонние местные принесли с собой огромный дырн, которым они немедленно принялись нас уязвлять через прутья лагерных ворот. Сначала мы ловко уворачивались, отбегая от разящей оглобли, но потом, не сговариваясь, дружно ухватили ее с другой стороны и стали тянуть ее на себя. Помешала нам машина начальницы лагеря. Деревенские отбежали от ворот, когда мы пропускали Волгу, начальница погрозила нам пальцем, сидящая рядом с ней женщина просто весело махнула нам рукой. Пропустив машину, мы продолжили поединок с местными. Дырн мы у них отняли, а потом перекинули его им обратно, потому как дырн был не их, и они его должны положить на место. В итоге местные ушли, а мы с Великановым принялись лупить вечерних комаров на потных от поединка руках и ляжках. Снова пришел вожатый Женя и сказал нам, что наше дежурство окончено, и он нами очень недоволен. Оказалось, что космонавт Попович с женой приехали на машине начальницы лагеря, а мы его феерически прошлепали.

– Не было космонавта Поповича никакого, тетка с начальницей сидела, а космонавта Поповича не было!

Мы искренне недоумевали, как мы не заметили космонавта Поповича на переднем сиденье. Вероятно, это случилось потому, что он был не в скафандре и даже не в генеральской форме.

– Не тетка какая-то, а Марина Попович – летчик-испытатель, герой Советского союза.

Женя не сильно на нас сердился, даже совсем не сердился. Он сказал нам, что отбой для старших отрядов сегодня поздний, потому что на центральной линейке проводится конкурс веселых аттракционов, и мы можем присоединиться к зрителям. А вот завтра, сразу после завтрака, уже будет встреча с космонавтом Поповичем, потом торжественный запуск пороховых ракет и большой концерт лагерной самодеятельности для героического гостя. Женя оставил нас у лагерной столовой.

Летние сумерки сменил душный июньский вечер. Мы меньше всего хотели вливаться в ряды зрителей на вечере аттракционов. Смотреть, как пионеры языком, стараясь не испачкать кончик носа, достают леденцы из большой тарелки с мукой, в которой до них побывали десятки других слюнявых языков. Увольте, я не брезгливый, но этот идиотизм в прошлом году вызвал у меня отвращение. Это намного хуже, чем жевать после друга заграничную жевательную резинку.

Я посмотрел на коттедж, который укрывался в палисаднике недалеко от столовой, где днем работает в своем кабинете, а ночью живет с семьей наша начальница лагеря, и удивился большому количеству света во всех его окнах и на стеклянной веранде. Веселые голоса взрослых людей, праздничный звон посуды и голос певца Ободзинского из радиолы укрепили мою догадку: космонавт Попович у начальницы!

Мы подошли к забору палисадника, чтобы лучше рассмотреть, что происходит внутри помещения. Наша начальница с большой халдой на голове в неизменной гипюровой блузе, сквозь которую днем всему лагерю видны ее начальственные сиськи в богатых на кружева лифчиках, танцевала с крепким мужчиной. В руке она держала высокий бокал, мужчина временами что-то говорил ей на ухо, после чего начальница громко смеялась и кокетливо била мужчину по плечу кулачком свободной руки. На заднем плане кто-то еще занимался подобным. Короче, настоящий взрослый сейшн. Не могу сказать, что мы хотели бы так танцевать с кос-

монавтом Поповичем, но близость и дружеские отношения нашей начальницы со звездным героем вызвали у меня сложное чувство, состоящее из зависти и уважения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.